

Такова эта легенда, называемая В. Соколовским „народным преданием“. Но язык этой легенды, типичный литературный язык середины XIX в., интерес к трогательным романическим положениям (в частности, описание ночных посещений княгини призраком-бесом) и точное историческое приурочение событий ко времени Давида Юрьевича — все это ставит под сомнение ее народное происхождение.

Но может быть это только внешний недостаток записи, а основа легенды народна? Сопоставление содержания легенды и повести опровергает и это предположение. В легенде нет ни одного факта, который нельзя было бы вывести из соответствующего события, описанного в повести. Различие есть только в незначительных отступлениях или в трактовке событий, причем самый характер этих изменений обнаруживает их происхождение не из народной традиции. Таким является эпизод о мече „благочестивого воина Гаррика“, такова мотивировка нежелания князя Петра вступить в брак с Февронией, таковы же переработки мотива соблазнения в лодке и заключительного эпизода повести. На всех этих изменениях лежит отпечаток церковной интерпретации фактов, известных по тексту повести. Вывод из этих наблюдений может быть только один: в основе легенды, записанной В. Соколовским, лежит текст повести о Петре и Февронии, некоторое время обращавшийся в устной передаче, вернее всего, местного муромского духовенства и грамотного, благочестиво настроенного, мещанства. Таким образом, легенда о Петре и Февронии в этой записи лишена какого бы то ни было значения для выяснения преемственности повести.

Несколько большее значение для изучения повести о Петре и Февронии имеет легенда, записанная в последней четверти XIX в. Н. Любодуровым.¹

„... Блаженная Феврония, — читаем мы здесь, — живя в доме своих родителей и с юных лет преданная глубокому благочестию, отличалась также даром прозорливости, узнавала мысли и чувства других и обладала искусством врачевания. Случилось, что князь муромский Петр Георгиевич заболел проказою, от которой, сколько ни лечили его, никто не мог излечить его. В сонном видении открыто было князю, что его может исцелить одна благочестивая девица Феврония, за которою и отправлены были княжеские люди. Когда блаженная отправлялась из деревни в Муром с присланным княжеским поездом, то, прощаясь с своими односельцами, из которых одни дивились ее возвышению, другие жалели о ней, сказала им, что отбытие ее от них не произведет между ними никакой перемены, — что „после нее у них не прибудет и не убудет“ — и предсечение преподобной, как утверждают жители Ласкова, будто бы доселе в точности исполняется, — число их с тех пор не прибавляется и не убавляется, никто не богатеет больше и никто не беднеет меньше; прибывающие к ним со стороны жители то богатеют, то беднеют, то приходят, то уходят; но число и быт самих жителей деревни не изменяются. С прибытием Февронии, князь Петр, видя благочестие блаженной, дал обет что если она исцелит его, то он женится на ней. Преподобная действительно исцелила князя; но когда последний, слушая внушения других, хотел было нарушить данный обет, то снова впал

¹ Рязанские епархиальные ведомости. Прибавления, 1877, 1 сентября, стр. 5—6.